

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru**

НЕ ПРОЩАЙТЕ МЕНЯ

В дни тревог, уходящие в вечность,
В мирных буднях, добытых в бою,
Не прощайте меня за беспечность,
За неправду и трусость мою.

Никакого прощенья не стою
В этот век беспощадно-любой.
Раз живу, притворяясь слепую.
И молчу, притворяясь глухой.

Не прощай меня, мама родная,
Раз весь мир вдохновенно любя,
И о горестях будней рыдая,
Я, порой, забывала тебя...

Не прощайте, что в веке суровом
Боязливо я лиру несла.
Никого не ободрила словом.
Никого от беды не спасла.

Глохнет в грохоте робкой мой голос.
Зло лютует, в грехи нас клоня.
Не прощайте коварство и подлости!
...И не надо – прощёного дня.

ТВОРЦАМ-МУДРЕЦАМ

Пересчитав свой риск и страх
На доллары и мили, –
Вы Родину мою в мечтах
"По-братски" поделили...

Но калькулятор ваш трещит,
Посев ужас вскоре,
Когда российский "Меч и щит" –
Возник на мониторе.

Возник погибельный маршрут,
Ведь не окинуть оком
Страну, где "Тополи" цветут
У "Сатаны" под боком.

Где каждый здоровый – патриот!
И свято клятве верен.
Где дух, питающий народ,
Пространству соразмерен.

...Уж столько наломали дров
Творцы теорий модных –
Творцы всемирных катастроф,
Майданов всенародных...

ШЕСТАЯ КОЛОННА

Под тайным покровом закона,
В поддержку народно-проклятой,
Вползает шестая колонна,
Примкнув к опозоренной, пятой.
Но тоньше ключи подбирает.
И против ветров – не плывёт.
На струнах державных играет
И русские песни поёт...

И слышится с чувством особым,
Как там о любви говорят,

Где антисемит с русофобом
Обнявшись, в Госдуме сидят.

Людмила
ЩИПАХИНА

Покаяться всем и забыться!
Простить и не думать о том,
Как хочется им раствориться
В народном доверье святом.

Но хитрая, хищная стая
Не выбьет наш праведный код!
Давай, до свиданья, шестая, –
Шестёрка заморских господ!

Неужто мне зависеть от речей,
От ловкачей, от хитрости надменной,
Когда журчит серебряный ручей
В глуши тайги, во глубине Вселенной?

Когда душе так горько без родства
С забытым бытом древнего уклада...
Когда я в стороне от торжества
И жатвы золотой, и листопада.

Когда чужая злора, ложь и шум
По сердцу хлещут горестно и больно,
Довольно мне, чтоб с чувством ладил ум,
Чтоб жил мой дух светло и монополюно.

И скорбный крест, и сонная земля,
И звёздный ковш – небесная посуда –
Мой частный мир. Широкие поля
Без примеси азота и мазута...

И день высок, чтоб не забыла я,
Какую дань принять угодно миру.
И глупо над подобием бытия
Всерьёз страдать и всуе мучить лиру.

Перекреститься солнечным лучом,
Пролить слезу на материнском поле –
Без этого нет истины ни в чём.
Всё остальное – суета! Не боле.

ГЛАМУР

Они – ничто. Они – никто.
У них – гламурное авто.
Пиджак невиданной красоты,
Гламурный галстук и тусы.
Для них гламурные спецы
Давно отстроили дворцы.
Очистили от лишних лиц.
Гламурных привели девиц.

Ласкает их гламурный быт,
Враньём и воровством добит.

И плохо совсем сознаёт,
Что ВЫШЕ – лишь БОГ и НАРОД!

ОСМЕЯННЫЕ ПАТРИОТЫ

У них священные заботы –
Спасать Отечество и нас...
Осмеянные патриоты –
Отверженный эпохой класс.

По убеждению, не в спешке,
Несут идей высокий свет,
Презрев ухмылки и усмешки
В лицо, и в спину, и в след...

От них дрожат не понарошку
Владельцы замков и валют,
Где можно, ставят им подножку,
А где нельзя – наотмашь бьют.

И даже слово – "патриоты" –
Как символ – "тайные враги",
Совки, изгои, идиоты.
А дальше – только матюги.

...В их скромном подвиге великом
Залог добра грядущих лет!
А время "икс" к священным ликам
Ещё причислит их портрет...

РУССКАЯ ИДЕЯ

Не тягаться нагрузкою,
Сквозь зыбкий свет и мрак,
Идею ищем русскую,
Национальный знак.
Не за поклон и премию
Не за иную мзду...
Идея – стёрлась временем.
В огне, в смертях, в бреду.

Лучом, крестом и знаменем
Пребывшая всегда, –
Уж чуть заметным планетам
Мерцает сквозь года...

Святых умов пророчество,
Веков священный труд...
А как ей имя-отчество?
И как её зовут?

Она зовётся – СОВЕСТЬЮ.
И с РАЗУМОМ в ладу:
"Трудиться – по способностям.
И благо – по труду".

ПРИДЁТ ПОЭТ...

На всё, что смутно до сих пор,
Ищи в поэзии ответа...
Не зря на чушь и всякий вздор
Находятся слова поэта.

Самоубийцы

Мишка Зимин сидел за то, что убил жену. Из ревности убил. И теперь не жил, а маялся. Каждый день был для него как мука. Но мучился он не тюремным сроком, нет, а памятью о ней. Как Бог определил: "Но имя против тебя то, что ты оставил первую любовь твою". – Так, кажется, звучит в Апокалипсисе.

Люди жили умом, а Мишка жил душой. Но душа у него была мягкой, словно воск, и поэтому он таял на глазах как свечка. А под конец срока вовсе сдал. Ни Богу свечка, ни черту кочерга. И всё-таки никто не мог предположить, что он покончит жизнь самоубийством... в день освобождения.

Надо же так рехнуться, чтобы в такой день! Мог бы жить и жить, да не зажился. И так вышло, что срок лагерный и срок земной закончились для Мишки в один день.

В субботу, около 16 часов на виду у всей колонии выбросился из окна Андрей Лагутин.

Он был из четырнадцатого инвалидного отряда, но пробрался на третий этаж, где гужевался другой отряд, и выбросился из окна

умывальника. Сначала несколько минут стоял на подоконнике. Майка у него была навыпуск, а куртку робы он комкал в руках.

От вахты, сломя голову, бежали контролёры, кто-то сообщил, а он как будто дожидался их, и когда они приблизились к локальной зоне, прыгнул. Сперва наклонился, положил на подоконник куртку, потом выпрямился, коротко перекрестился и прыгнул "ласточкой" вниз головой, и шмякнулся, расшибся об асфальт, свернул себе шею.

Это было самоубийство, но показательное, дерзкое, как акт самосожжения, как вызов.

Спустя несколько минут объявили построение на проверку. Напротив нашего отряда возле штаба стояли замполит Панфёров Сергей Владимирович, у него было погоняло Балдокрут и его подчинённый начальник воспитательного отдела капитан Климов Роман Дмитриевич. Он никогда не снимал тёмных очков. Панфёров что-то весело рассказывал, давился смехом, а Климов угодливо растягивал в улыбку губы и крутил на пальце цепочку от ключей.

Утренняя проверка затянулась. Не могли досчитать одного человека.

Проверяли по карточкам, пересчитывали, наконец, пропажа обнаружилась.

Оказалось – Сережа Молдаван, из 8 барака. Он повесился. Втихаря, пока не хватились.

Кто-то недоумевал: "Вроде был весёлый парень и не унывал, что-то на него нашло". Кто-то рассуждал: "С собой поругался, в карты проигрался – какая разнища. Самоубийство – это грех". Кто-то осуждал: "Дурак. Смерть беспонтовая. Ладно бы – завалил козла – тогда другое дело, а так понта нет".

Но в целом известие встретили равнодушно, вяло обсуждали и на другой день забыли.

Стёпу Осетина убили ночью на запретной полосе. Дай Бог памяти, когда это было? Да, 20 июля 2014 года.

Дзугаев Стёпа из Беслана. Мы были хорошо знакомы. Он погиб в 36 лет, не отсидев и половины срока.

Из всех, кого я знал на зоне, Стёпа был самым душевным человеком. Он во всём нуждался, но ничего сам не просил. Однажды я дал ему коробку сухого торта. Он огорчился: – У тебя же нет ничего лишнего! Зачем отрываешь от себя? – Глаза у Стёпы оставались грустными, даже когда он улыбался.

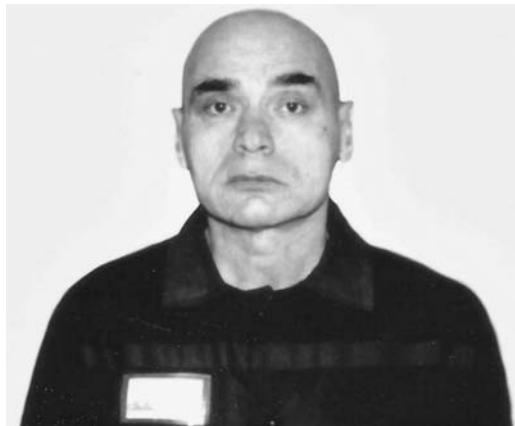
Стёпа искал смерти, а руки на себя боялся наложить. И тогда придумал на свою голову побег. Полез напролом через ряды колючей проволоки и заборов.

Охранник обнаружил Стёпу, дал предупредительный выстрел, закричал: – Стой! Стрелять буду!

Стёпа повернулся к нему и матерно выругался: – Да стреляй... твою мать!

Следующая пуля пробила ему грудь. Он упал и руки разбросал по сторонам.

У него остались старики-родители и четырёхнацилетный сын. Окно в мир Иной всегда открыто. И когда уже немощно и нет сил жить, то можно выпрыгнуть в это окно. Но если смерть сама нагрянет человека, то в мир Иной он входит через дверь. Вечность как капкан на людей

Тюремные истории

Владимир СМОРНОВ

поставлена. Она укрывается от нас за юдолью земной и скоротечной жизнью. Мир Иной обширней нашего и густо населён.

Погоняло

Погоняла (кликчи) не являются атрибутом преступного мира. В школе и среди студентов, в армии, в милиции, у депутатов и в правительстве употребляют в обиходе прозвища и клички. Это ведётся с мальчишеских пор, а если обратиться к истории, то с незапамятных времен. Вот что сказано у Н.Карамзина: "Уже при Дмитрии Донском некоторые знаменитые граждане именовались по родам или фамилиям вместо прозвищ, какими различались прежде люди одного имени".

Тюрьма тоже выдумала погоняла не для конспирации, а для удобства. В камере, где масса арестантов, крики: "Саня!" – отзовутся несколько человек. Поэтому, дабы избежать путаницы, Сашу Рыбченко будут звать Рыбой или Рыбаком, а Сашу Мельникова – Мельником и всё станет на свои места.

Погоняло чаще всего берут по фамилиям: Макаров – Макаров, Фролов – Фрол и так – до бесконечности. Но погонялом может послужить профессия или род деятельности, в том числе преступный. Так, к бывшему электрику прилипло погоняло: 220, а цыганку, она попала в тюрьму за распространение наркотиков, звали Мать Героина.

Внешний вид, физический изъём или свойство характера тоже могут лечь в основу погоняла. В тюрьме работал воспитателем некий Игорь Юрьевич, маленький и кривоногий, с низкой тугой задницей и круглым животом. Так ему дали погоняло Клоп. За вонючий характер.

А узбек Абдувазид смирился с погонялом Вая, но за имя его вовсе не считал.

Беда, когда у эска погоняла нет. Я припомню только один случай. Человека так и звали по фамилии: Лукуткин. Это был совсем ничемный эск.

Кучум

Высокий, плечистый и худой Алексей Кучум умел радоваться самой малой радости.

Возьмёт за живое музыку и Кучумов вытаскивает прямо на плацу. На виду у всех. Корявое лицо его преображается.

Он топчется как слон вокруг себя, переступает с ноги на ногу, в пояс перегибается, локтями ловит такт и даже пальцы на руках что-то у него стригут.

А вот припевка у Кучумова одна: "Гоп-стоп, Канада, Нам рублю не надо. Доларей нам дайте, А вы, хлопцы, грайте!".

На любую музыку положит и речитативом выговаривает в склад и в лад.

Джунгли

Рустам Джанхотов – сильный духом, справедливый, совестливый человек. У него много

литературы по исламу и он свято убеждён, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Его. Я с ним не спорю. Дружба выше разногласий. Рустам грустно говорит:

– Тюрьма – это изнанка жизни, но отсюда видно всё. Видно, в каком государстве мы живём, и как работают суды; видно, кто твои друзья и чего ты стоишь сам.

Я с ним согласен. В тюрьме меньше искушений и грех на душу берёшь не каждый день, но каждый день в неволе проживаешь, будто через дебри продираешься.

Трифон

Дед Савин Алексей Федотович достигает свои 8 лет и сетует:

– На детство выпала война, а на старость лет – тюрьма. Про конфеты я не знал лет до восьми. Отца призвали сразу как началась война, а в декабре он уже погиб: самая свалка там была, когда Москву держали. Потом фронтовики рассказывали, что сибирские дивизии спасли Москву. – Дед Савин разворачивает карамельку, кладёт в рот и жмурится от удовольствия.

Володя Трифонов на двадцать лет моложе. Он сам себе на уме и весь срок ходит с протянутой рукой.

– Дай конфетку.

Савин поджимает губы, уговашет и велит: – Расскажи, что в мире делается?

– Во! Что делается?! – Трифон любит ляссы поточить. – А сами чего новости не смотрите?..

В конце мая в Магадан выпал снег. За один день месячная норма. Во! Природа да медведь. Медведь спит у себя в берлоге и лапу сосёт, или что он там сосёт – не знаю. Не тронь его и будет спать спокойно, а потревожь, и он пойдёт крушить всё на пути. Так и природа, лучше с ей не связываться.

– Балабол ты, Трифон, иди, куда шёл.

Трифон на слова не обижается.

– Дай ещё конфетку и пойдуй.

Савин тянется за костылём.

– Иди от греха подальше.

Трифон понимает, что здесь больше не обломится и топает на поиски в другое место. Ходит, колосалит. Одну руку держит за спиной. Такая у него привычка.

Одноклассники

Гоша – это Игорь Голиков. Он сидел со мной в тюрьме за какое-то нелепое убийство. У него была не первая судимость. Гоша часто вспоминал, как учился в одном классе с Алексеем Улюкаевым, в Люберцах, в школе № 43. Гоша с грехом пополам окончил 8 классов и ушёл в ГПТУ, а будущий министр и банкир продолжал учёбу. Они учились вместе восемь лет.

Жизнь у Гоши не сложилась, он без наших, он гордился одноклассником и не баял зазнайства говорил:

– Улюкаев учился хорошо. Мы росли шпаны, а он был толстеньким, в очках, каким-то неуклюжим, больше с книжками, чем с ребятами дружил, стеснялся как-то, может быть, стеснялся, но его не трогали, потому что безотказно помогал.

После школы я с ним изредка встречался. Один раз в метро, когда он был студентом. Я ему тогда сказал: "Большим человеком, Лёша, станешь. Поможешь, если обращай". Он сказал: "Обязательно помогу". Он был очень целеустремлённым человеком.

А потом, наверное, в 2002 году увидел я его по телевизору. Он был заместителем министра финансов. Я подъехал к министерству, узнал, где находится, зашёл в холл, охранник мне культурненько объяснил, как его разыскать. Я позвонил секретарю, сказал, что одноклассник, по личному вопросу.

Я ни в чём не нуждался, просьб у меня никаких не было, нужды не было, просто порадоваться хотел, что человек, мой одноклассник, добился чего-то в жизни. Секретарь выпытывала у меня, где я учился с ним, по какому вопросу пришёл. Я сказал, увидевшись и водки выпить. Я уже бухой был. Так он и не позвонил. Я телефон секретарю оставил. И на этом всё закончилось. Я подумал, занят человек, некогда ему, и больше не стал беспокоить.